

Владимир Калашников

ЛИГА
ВЫДАЮЩИХСЯ
ДЕКАДЕНТОВ

РОМАН

Москва
«Снежный Ком»
2019

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
К17

Серия «Бастион» основана в 2019 году
Ведущий редактор *Дмитрий Володихин*

Калашников, Владимир
К17 Лига выдающихся декадентов : роман / Владимир
Калашников. — М. : «Снежный Ком М», 2019. — 256 с. —
(Бастион).

ISBN 978-5-6042584-7-7

Много недругов у России и веры в начале XX столетия. «Мировая закулиса», мистические сообщества, масонские ложи — изыскивают самые изощрённые и неожиданные способы сокрушить Империю. Но все их замыслы неумолимо разбиваются о незыблемый бастион, имя которому — Лига Выдающихся Декадентов.

Встречайте! Василий Розанов, Андрей Белый, Велимир Хлебников, Павел Флоренский и другие — в головокружительном историко-мистическом детективе Владимира Калашникова.

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6042584-7-7

© Калашников В., 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д.В.), 2019
© Оформление. Голуб Ю., 2019

Часть 1

Начало

Мы в дикую стужу
в разгромленной мгле
Стоим
на летящей куда-то земле —
Философ, солдат и калека.

В. Луговской. Кухня времени

Своя крепость с двумя парами бойниц — кабинет в четыре окна. На фундаментах красного дерева сложены из бумажных кирпичиков вавилонские стены, в углах — зиккураты мюнц-кабинетов, хранящие внутри себя клады денариев и тетрадрахм. В центре крепости высится цитадель — несокрушимый письменный стол: на зелёном сукне перемешаны книги, рукописи, записные книжки, картонные карточки, одним словом, — листва, опавшая с мыслящего дерева под названием человек. Единственный комендант здесь, он может выдерживать осаду многие недели, как в тот раз, когда тираж книги арестовали и собратья-журналисты — хотя по какой такой бумажной матери собратья? — бесновались во враждебных редакциях, тщась спровоцировать — на звук, на слово, на дело. Каждое утро из бюро газетных вырезок приходит подборка ругани за день вчерашний. Травля? Всё равно... Успокоительный способ времяпрепровождения — взвешивание коллекционных монет крохотным аптекарским инструментом, занесение значений в каталожную книжицу. Бронзовый

римский дуплет Септимия Севера — с него, подаренного, началась коллекция. Ах! Монета укатилась!.. Шмыгнула между средним и безымянным, проворно нырнула под тумбочку стола, но не слышно, чтоб закружилась на месте, звеня, — значит, не выбрала между орлом и решкой, замерла на «гуртике» — ободке, зацепившись верхним краем за пыльный низ ящика. Как убедиться, имела ли место быть необыкновенная случайность или годы сделали хозяина кабинета маловосприимчивым к звону монет? Он становится на колени, чтобы подставить к щели зеркальце. И вправду — римская денга стоит на ребре. Скрипнула дверь.

— Вася, тут — к тебе! Какая-то девушка. На курсистку не похожа, но и не из простых — интеллигентка.

— Пусть проходит, — откликнулся Василий Васильевич и поспешно взобрался в кресло.

Девушка — чернявенькая, хроменькая, боязливо, даже не прошла, — проникла в кабинет, будто перебежчик из раскинувшегося за крепостными стенами враждебного мира, и замерла, смутившись благообразного старичка, сложившего руки за письменным столом.

— Варенька, душа моя, оставь нас, будь так добра.

Хозяйка исчезла, затворив дверь — не плотно: целомудренный просвет вёл в гостиную.

— Как звать-величать вас? — шутивым голосом задребезжал Василий Васильевич.

— Мариэтта.

— А по батюшке? — умиляется хозяин кабинета.

— Сергеевна.

— Ну, сказывайте, Мариэтта Сергеевна: что за беда? — приподнято продолжил Василий Васильевич.

— Я пришла просить ваших совета и помощи, — говорила девушка и заложила в складку платочка великоватый для её лица нос: только чёрные полукружья бровей торчали над застиранным ситцем.

— Накрутили себя, наvertели! — запричитал Василий Васильевич, семена вокруг гостыи. — Сюда, поди,

покойно шли, перебирали слова заготовленные? Всё вылетело, да? Не убивайтесь вы так!.. Варенька! Будь добра — травяного чаю, китайского!.. Выкладывайте, душенька, что там у вас? Или — кто? — хитро прищурившись, наставил он на девушку лукавый зрачок дьячка, изыскивающего у прижимистого лавочника средства на подновление росписи хилой деревенской церквушки.

— Боря Бугаев, — всхлипнула посетительница.

— Гм-гм. Весьма даровитый молодой человек. Жаль, совсем перестал в нашем кружке бывать. Почитываю его фельетоны в «Весах». А вы-то, конечно, «Симфонии» обожаете?

— Да-да, и стихи Боринькины наизусть знаю.

— Стихи, гм-гм.

Набрав воздуха, Василий Васильевич как бы между прочим поинтересовался:

— А как у Бори нынче обстоят дела с полом?

— Полагаю, обыкновенно, — с небольшой заминкой ответила девушка. — Он по нему ходит. Иногда кувыр-кается, когда гимнастические этюды представляет.

— Какой вы ещё скромный ребёнок! — сказал ласково Василий Васильевич, кончиком носа однако разочарованно дёрнул. Более не отвлекаясь, спросил:

— Ну, с чем пожаловали?

— Борю хотят уничтожить!.. — выдохнула девушка.

— Вот так поворот! Кто же — злодей?

— Женщина.

Василий Васильевич важно отвечал:

— Вниманье вашей половины человечества к поэту ожидаемо.

— Минцлова, — пискнула девушка.

— Известная персона. Откуда у вас подозрения по её поводу?

— Обступила Бориньку, в одиночку хороводы вокруг него водит. Чрез неё не пробиться.

— С её габитусом дело немудрёное, — проронил со смешинкой Василий Васильевич.

— Каждую тихую минуту своим визгом конопатит, — с отвращением вспоминала Мариэтта. — До Бориньки теперь не достучаться — забьёт речами.

— И что же он?..

— Беседует с... этой.

Василий Васильевич прищурился:

— А раньше?

— К нам ходил — на ёлку. Письма писал...

— И только-то?

— Ну да.

В немоте и параличе лицевых мышц хозяин вернулся к рабочему столу. Хмыкнул. Сел боком на краешек зеленосуконного поля, одной ногой упираясь в пол, другой — покачивая. Снял пенсне.

— А чего же вы, голубушка, ко мне пришли?

— Знаю ваши книжки — сердечные, уютные. Подумала, человек вроде вас не осмеёт моих чувств и предчувствий, моих страхов, не отмахнётся. Вашу гостиную посещал Боря. Кому как не вам довериться? Все кругом очарованы Минцловой.

— Позвольте, голубушка, а кем вы приходитеесь Борису Николаичу? — сказал Василий Васильевич с таким выражением, будто это не вопрос был, а скучная даже ему самому, но необходимая нотация.

Барышня потупила взор:

— Никем, — вымолвила едва слышно.

— А что у вас было? — с деланной наивностью допрашивал хозяин.

— Было — ничего...

— Зачем же в заблуждение меня...

Издав смешок совсем иного рода, чем звучали до сих пор, Василий Васильевич словно уснул на полуслове. Мариэтта минуту напряжённо ожидала продолжения, но, догадавшись, что аудиенция окончена, запаниковала:

— Умоляю вас поверить мне! Это гнусная дама!..

— Конечно, милейшая, — холодно отвечал Василий Васильевич. — Совершенно с вами согласен.

— Минцлова уговаривает Борю бросить писать стихи!

Хозяин кабинета впал, должно быть, в крайнюю рассеянность, потому что отозвался с опозданием:

— Охотно верю, но... прошу простить: занят чрезвычайно. Ворох статей в работе: «Новому времени» — восемь передовиц ежемесячно представь, «Русское слово» заказали статьюшку, и «Земщина» взыскует моего участия. Увильнуть отеческий долг не позволяет: четырёх дочерей и сынишку надо кормить. Ничем не могу!..

— Вокруг неё целая шайка!.. — отчаянно крикнула девушка.

— Да-да. «Верные личарды», — не удержался от сарказма хозяин. — Варенька!.. Не нужно чаю! Гостья уже прощается!

— Они спиритическую доску крутят, духи Нерона и Мазепы призывают!

— Кто ж в наши-то времена этим не балуется?

— У Минцловой и её личард — знак: крест с петелькой на маковке!

Василий Васильевич насторожился, мгновенно пенсне нацепил и, воззрившись на гостью, подбодрил её, вздрогнувшую от резкого движения, вопросом:

— Металлический кругляш? С гравировкой?

— Нет! Подвеска за петельку.

Тут хозяйка заглянула в кабинет:

— Васенька, звал ты?..

— Нет, ничего, — и тут же, с загоревшимися глазами, плеснул звенящим по-мальчишески голосом: — А впрочем, мой друг: организуй-ка нам чёрного чаю, с вареньем, с малиновым!

* * *

В квартире по адресу Таврическая улица, дом 25 обитало множество постояльцев, зажившихся и даже укоренившихся в чужом доме. Пробуждались они поздно,

иные — в те часы, когда добропорядочные обыватели делают приготовления ко сну. Но эта парочка даже среди здешних чудаков выделялась, хотя бы тем, что почтила присутствием полдник. Впрочем, только присутствием, не вниманием: яйца всмятку, не будь зажаты выемками подставочек, с обиды укатились бы, неуклюже вихляясь, обратно в кухню. Смирный молодой человек пожирал вместо завтрака — глазами — бумажный листок с черкнутыми во тьме ночи строчками, и сам был пожираем, опять же — глазами толстой женщины, которая, казалось, была призвана в этот свет, чтобы таких смиренных мальчиков распекать:

— Что за жанр? Мешанина, а не жанр! «Недобуколика»? Вы — читающей публике: гляньте сектантов, соприсутствуйте на оргии! А ваши герои? Интеллигент, забравшийся в глухую деревушку. Студент-мистик. Провокатор тайной полиции. Вы задумали галерею портретов современности? Невыносимо избитый приём. Гоголь в «Мёртвых душах» целый вернисаж сотворил.

Молодой человек согласно качал головой, благодаря чутью — всегда в нужные моменты, хотя был погружён в космическую туманность мыслей и от своего листка не отрывался.

— Начинается буколиккой, а заканчивается — бунтом. Как у Достоевского в том неудачном романе, — увлечённо рассуждала Минцлова, дирижируя себе лорнеткой. — И ещё: у вас — порнография. Кого, Боря, хотите своею откровенностью облагодетельствовать? Гимназистов? Студентиков, какие ходили к папе вашему, профессору математики? — Лорнетка отмахивала такты подобно метроному: — Подполье. Убийства. Оргии. Чёрный лубок для взрослых мещан. Вы множите хаос, Боря! Ваш «Голубь серебряный» — сплошное косноязычие! Признайте, Боря: проза — не для вашего пера! Простите за резкость, но зуд, толкающий к таким сказочкам, нужно лечить, и чем скорее, тем лучше. Через десять лет слезами ведь

омоетесь над кипюю неприкаянных рукописей! Решение одно: в печку, без промедления! Боря, да вы смотрите ли... слушаете?

Лорнетка вздрагивала в воздухе, словно маленькая птичка, быстро-быстро взмахивающая тоненькими, на солнце просвечивающими крылышками.

Борис Николаевич Бугаев поднял на неё мутные глаза:
— Отчётливо вас слышу, Анна Рудольфовна.

Минцлова с ненавистью воззрилась на листок:

— Это вас отвлекает от жизненной беседы. Вы совершенно лишены концентрации. Исцеляйтесь медитациями! Что у вас там?.. Дайте сюда! Ах, отпустите!.. Стихи? Всё «золото» да «лазурь»? Как далёко от настоящей жизни! Миражи на рифму низаете! «Молитва»? «Зóря»? «Грусть»? Борис Николаевич, зачем растрчиваете таланты на ерунду? Кому сдались стихи? Век пройдёт, и нет ваших стихов, как вовсе не бывало; зачем усилия в пустоту загоняете? Да вы, может быть, *избранный*, а себя попусту растрчиваете. Экий вы глупый ребёнок! Посвятите себя идее, которая с большой буквы! Работайте на неё! Служите ей! Составьте программу: счастье — всему человечеству!

Боря Бугаев не проявил энтузиазма, на который рассчитывала Минцлова. Он констатировал невпазд:

— Анна Рудольфовна, с вас на паркет какая-то пудра сыпется.

— Ах, Боринька, у каждой женщины есть маленькие тайны, — жеманно сказала Минцлова, и сразу одёрнула: — Не вводите в сторону!

Намереваясь доказать свою правоту на примере, упёрлась крохотной лорнеткой в строчки и, сощуриив и без того узкие глазки, медленно прочитала:

— «Мир рвался в опытах Кюри атомной лопнувшей бомбой на электронные струи невоплощённой гекатомбой», — минуту или около того теософка безмолвствовала, прожёвывая новое. Наконец нашла в себе силы

выговорить: — Признаться, не ожидала. Вот это... очень неплохо. «Атомная бомба» — великолепно! — вскричала Минцлова. Даже лорнетка была забыта. — Советую усилить. Поставьте: сверхвоплощённой гекатомбой или что-то вроде. Запишите, потом не вспомните!

— Ах, не утруждайте себя, — забормотал Боря. — Мне приятна ваша похвала, тем паче я так редко её достаиваюсь, но... Вздор, мелюзга, дребедень, — не более. Если отсюда и выйдет что-то пристойное, то в нескором будущем... Анна Рудольфовна, оцените законченное. Первая строфа: «Довольно: не жди, не надейся — рассейся, мой бедный народ! В пространство пади и разбейся за годом мучительный год!»

— Великолепно! — с чувством отчеканила Минцлова. — «Рассейся-разбейся!» Но почему же только год? Усильте! «Декадой мучительной год». Декада ведь — десять лет? Когда буду жечь ваши рифмы... то есть, когда будете жечь свои рифмы, — запуталась Минцлова, — эти вещички оставьте. Пригодятся. И всё же не отступаюсь от своего мнения: вам нужно учиться. Частыми медитациями расширять духовные горизонты. Я сведу вас с людьми — они знают всё и всем правят. Это — друзья: мои, ваши, каждого человека в мире. Они избегают привлекать к себе внимание, не требуют награды за добрые дела. Они — будущие пастыри заблудшего человечества. Визионеры, мудрецы, эзотерики. Свободная организация людей. Розенкрейцеры! Новые Рыцари с большой буквы! Под их руководством вы включитесь в работу над новой религией, которую должно привести взамен устаревших...

Минцлова ворковала, сваливая из бесспорных аргументов курган. Под звуки её грудного голоса прикорнула в своём узилище обычно беспокойная синица. Поэт упрямылся.

— Изволите послать на вокзал за билетами? — настаивала Минцлова. — Италия ждёт нас! Не бойтесь, я буду

сопровождать вас. Вы не пропадёте на чужбине. Я, сама опытная теософка, поведу вас тропой знаний. Наконец, я отведу вас к «ним». У меня есть пароли! У меня есть ключи! Вас — пустят.

— У меня незаконченные дела. Я ещё не готов бросаться сломя голову в путешествие.

Минцлова потянулась к нему хищными губами, нагнулась огромным лбом, ядром живота и парой арбузных грудей.

В голове у Бори вспыхнуло воспоминание о большой и горькой страсти — Любви Дмитриевне. Всё начиналось прекрасно: исступлённые вздохи, молниеносный обмен взглядами, немое томление в разных концах комнаты, уступающее место декламации неуёмного количества стихов, а кончилось... антиэстетически. С тех пор Боря не терпел назойливости.

— Мне пора. Меня ждут, — пискнул Бугаев и стал пробираться к выходу.

Минцлова, проявив удивительную для своей комплекции резвость, подкатилась к двери и до хруста крутанула ключ в замке. Светясь от гордости за свою проделку, уронила ключ в декольте. Лицо Бори Бугаева перекопилось новым приступом отвращения.

— Выйти хочешь? Ныряй! — растянула Минцлова жирные губы в улыбке, которая будто явилась результатом искусства компрачиков.

Бугаев справился с рвотным рефлексом, который неизменно давал о себе знать в таких пошлых сценах.

— Никуда ты не уйдёшь! — проскрежетала Минцлова, будто рванула металлическим обрезком по стиральной доске.

Боря передёрнулся — показалось, что это им самим, сотворённым по образу и подобию Божьему телом его, захваченным в великанский кулак, сдуру махнули по зубристой поверхности. Такого тембра из уст Анны Рудольфовны никто из обхаживаемых ею поэтов

и писателей доселе не слыхивал. Неудивительно, что Бугаев погрузился глубоко в себя. Сомнамбулой он бродил по комнате, принося под люстру стулья из углов и от стен. Минцлова призывала:

— Боря! Боринька! Немедленно прекратите свои метания! Они вам не к лицу.

В мгновение ока он составил из стульев башню. Минцлова до поры не понимала, чем занят Бугаев, не успела она и рассмотреть, каким образом Боря вознёс своё массивное тело на верхушку сооружения из восьми или девяти стульев, где и скорчился под самым потолком.

— Моя башня из слоновьей кости! — взвизгнул Боря из-под лепнины.

— Боря, поглядите на меня! — завопила Минцлова. Лорнетка в её руках запорхала, рассеивая по обоям солнечные зайчики.

Бугаев сел по-турецки, достал из внутреннего кармана фрака чернобархатную маскарадную маску, нацепил на себя и, закатив глаза, принялся медитировать.

Минцлова бегала вниз, не смея прикоснуться к такой с виду ненадёжной башне.

— Боринька! Будьте умницей! — взывала теософка. Она сказала ещё много глупых в силу их неуместности похвал, прежде чем разразилась проклятиями. Срывая с рычагов телефонного аппарата трубку, она злобно возвестила: — Будет тебе келья под елью!

* * *

— Господин Рóзанов!..

— О, здравствуйте, голубчик! Воздержусь приветствовать иначе, ибо не знаю, как правильно к вам нынче обращаться. Господин Валентинов? Или господин Вольский?

Высказанными опасениями Василий Васильевич смутил чуть раньше «красную шапку» — уличного гонца, когда наказывал:

— Сгоняй-ка, дружок, на Сретенку, пройдишь по дешёвым меблированным комнатам. Разыщи Вольского, Николая Владиславовича. Вольско-го! А может он нынче — Валентинов! Да запомнишь ли? Давай на бумажке черкану. Читатъ обучен? Передай поклон мой и проси ко мне: срочно!

— Выглядит-то барин как? — пробасил посланник.

— Усищи — во! — что у прусака! Лбом гвоздь вобьёт. В плечах косая сажень. Человечище.

Упования Розанова на сметку «красной шапки» и худосочность бумажника двухфамильного господина оказались не напрасными. Спустя несколько часов Вольский стоял перед Василием Васильевичем. С порога он счёл обязательным поставить хозяина в известность:

— Я оставил подполье. Легализовался как Вольский. Так и зовите, — крепкий господин пощёлкал костяшками пальцев и веско произнёс: — Мы с Володькой Ульяновым разошлись во мнениях. Я утверждаю, что продолжать борьбу вредно, ибо полученных от государя свобод нам более чем достаточно. Ума б найти, чтоб ими распорядиться. Оттого сейчас я не «большевик», а — «меньшевик».

Розанов поинтересовался:

— Вас правой рукой Ленина величали. Как же теперь Николай Ленин без руки?

— Как? Ампутант! — хохотнул Вольский, во всём виде которого в этот момент выразилось довольство. — С какой целью вы меня позвали?

— Поговорить о нашем общем знакомом — Борисе Николаевиче Бугаеве.

Вольский скривился, словно от зубной боли, слышав имя поэта.

— Разве вы не дружны?

Гость остервенело рыкнул сквозь усы:

— Да чёрт бы побрал этого Бугаева!

— А если это самое произойдёт, жалеть не будете? — просюсюкал Розанов.

Вольский рявкнул:

— Что вы хотите сказать?

Дав гостю время успокоиться, Розанов изъясил из ровенькой шкапной подборки том, от прочих неотличимый. Полистал и протянул раскрытый на литографической вклейке: в овальной рамочке — изящная женская головка с натёртыми розовой пудрой щёчками, украшенная колечками тёмных волос.

— Что за прелестное создание? Судя по старинному наряду, наперсница моей бабушки, — натужно пошутил Вольский.

— Сие прелестное создание, — менторски начал Розанов, — устроило дуэль, которая закончилась смертельным ранением Пушкина. Того самого Пушкина, поэта. Будьте знакомы: Идалия Григорьевна Палетика.

— А теперь вы начнёте декламировать малоизвестные пушкинские стихи? — иронизировал Вольский.

— Возьмите лупу оценить её украшение.

— И без того разберу: крестик с колечком. Египетский значок?

— Он и есть. Впрочем, не торопите фактов. Аполли-
нария Сулова — знакомо ли вам это имя?

— Нет. Кто сия особа?

Розанов втиснул бумажный кирпич обратно в стену своей крепости и обернулся на гостя:

— Старая подруга Фёдора Михайловича Достоевского. И — моя жена.

Вольский взгляделся в лицо Розанова и едва заметно качнул головой в сторону жилых комнат. В этом сдержанном движении сквозил невысказанный вопрос.

— Варенька — тоже моя жена, тайно мы повенчаны, — объяснил Розанов. — Аполли-
нария в разводе отказывает вот уже четверть века, и детишки наши с Варенькой из-за того считаемы незаконнорожденными.

— Н-да, — крякнул Вольский.

— Много кровушки она попортила, — продолжал Василий Васильевич. — Фёдору Михайловичу. И мне тоже.

— А Борька здесь причём? — разозлился Вольский, дабы скрыть неловкость.

— Обождите, сейчас до Бориса Николаича дойдём.

— Я слушаю вас, — буркнул меньшевик.

— Сулова изводила Фёдора Михайловича инквизиторски. Труд его в грош не ставила.

— Литературоведенье, бесспорно, предмет интересный...

— Книги эти на языки переведены, в университетах изучены. Понимаете, чего мы — все мы — из-за бабских прихотей лишиться могли?

Вольский слушал мрачно, более не пробуя встрять.

— Позже, с Достоевским развязавшись, меня заприметила, поманила, а я и рад — как же: роскошная дама, близкая знакомая великого писателя... Сам в петлю полез. Повенчались. Откуда мне было знать коллизии, которые у неё с Фёдором Михайловичем были? Спустя немного времени сунула мою первую брошюру друзьям, подучила их. Прихожу я на зов в чужую гостиную, а там... вымолвить гадко... Книжечку мою высмеивают и... струями жёлтыми заливают!

— Негодяи! — с чувством припечатал Вольский.

— И вот, этим утром я узнаю, что вашего товарища Борю Бугаева одна дама уламывает: брось писать стихи!

— Неужто — Сулова?

— Нет. Минцлова.

— А-а-а, «колода»...

Машинально нахмурившись грубому прозвищу, Василий Васильевич продолжал:

— Только вот амулетик — что у Палетики, что у Суловой, что у Минцловой: един.

— Секта? — нахмурился Вольский.

Розанов скорбно улыбнулся, что означало: да.

— Чего *оне* добиваются?

— Очевидно их цель: изводить и уничтожать соль земли русской — писателей.

— Я сам в некотором роде... гм-гм, веду кое-какие записи, — признался Вольский. — Не полагаясь на одну лишь память, сохраняю кое-какие факты для себя самого и потомков. Очевидно, не имею чести принадлежать к «соли», — он обиженно оттопырил нижнюю губу, — коль скоро не отыскала меня роковая женщина. Но я помогу вам, то есть Боре — ради былой с ним дружбы.

Розанов поведал Вольскому, как продемонстрировал утренней гостье планшет с античными монетами, вопросив:

— Узнаёте что-нибудь?

— Да вот же он, этот знак! — воскликнула Мариэтта и торопливо уточнила: — Только у Минцловой — кругляш, то есть края закруглены.

— Ещё древнее, — вымолвил тогда непонятое Василий Васильевич, а сейчас объяснил Вольскому: — В седую древность монеты по-простому: вручную расплющивали металлический кругляш между двух штемпелей и на этом заканчивали. Гурт оставался необработанным — отсюда и происходит закруглённость краёв.

— Что же, секта из фараоновского Египта себя ведёт? — уточнил Вольский. — В существование пятитысячелетних заговоров я ни за что не поверю.

— Нет, конечно же. Нам важно знать: *оне* понимают в истории и считают необходимым носить именно такую приметку. Николай Владиславович, вы, наверное, знаете греческое слово «муза»?

— Кто ж не знает!

— Как и старинную приставку «анти». А сведите-ка их воедино.

— «Антимуза»? — произнёс Вольский с опаской, будто пробуя новоизобретённое слово на вкус.

— Именно. Об «антимузах» никто и никогда не задумывался. Это музы у всех на слуху. Лезбия вдохновляла Катулла. Элоиза благодетельствовала своей красотой Абеяра. Беатриче потрясла Данта. Лаура де Нов осияла

своей красотой Петрарку. Ульрика фон Левеццов запустила беса в ребро престарелому Гёте. Каэтана Альба обладала Гойю. Вирджиния Клемм скрасила зрелые годы Поэ. А вот имена антимуз установить трудно: они заклеены. Антимузы втираются в доверие, поначалу выглядя как музы. Когда же являют свою истинную сущность, уязвлённые литераторы желают их забыть, стараются вытеснить из памяти и вымарывают их имена отовсюду.

— Три имени известно: Палетика, Сулова, Минцлова. Впрочем, есть слабое место в вашей теории: Минцлова не годится на роль роковой женщины. Она слишком... тяжела на подъём.

Василий Васильевич с укоризной посмотрел на Вольского. Тот продолжал, не замечая:

— Знаком я с этой десятипудовой антимузой. Вокруг неё вьются оккультисты, спириты и прочий мистически настроенный сброд. Она многих писателей задурила. Боготворяет её, в рот заглядывают — что изречёт? Я как реалист не приемлю бредней Минцловой. Сам наблюдал все её подлые ужимки, поэтому допускаю правоту ваших теорий. К слову, я в одной гостиной краем уха слышал, вашу книгу давеча заарестовали? Дело рук секты?

— Ах, нет, — отмахнулся Василий Васильевич. — Не их стиль. Тут — банальное. В моей книге — порнография.

У Вольского брови поползли вверх.

— Таков вердикт цензора, — оправдался Розанов. — Я тут ни при чём. Так вот, из всего видно, что эти роковые дамы стремятся, скажем так, предотвратить создание произведения, оборвать работу над ним, а ещё лучше — отбить охоту писать и печататься. — Розанов встряхнул головой, должно быть, вспомнив горькую участь своей первой брошюры. — Антимузы уничтожают произведение, чтобы и рукописи не осталось. У меня и рукопись цела, и авторский экземплярчик уберёжён от сожжения тиража. Могу ссудить на время, почитаете в единении.

Вольский, как будто не расслышав предложения Розанова, размышлял вслух:

— Любопытно узнать, почему к Володке Ульянову антимузку не приставили? Совсем негодные вещи строчит?

— Очевидно, вся его «философия» есть большое художество, — съязвил Василий Васильевич.

— Что ж, повторю: я готов.

— Отлично! Только вот... Личарды Минцловой могут быть вооружены, — проронил Розанов. — Надобно оружием запастись.

— У меня — кулаки.

Василий Васильевич воззрился на гостя испытующе:

— И всё?

— Свинчатка.

— Боюсь, этого окажется недостаточно.

Вольский замялся:

— У меня в кармане пиджака «бульдог».

— И шести пуль вряд ли хватит.

— Не понимаю ваших намёков. Хотите узнать, имею ли я бомбу? — раздражился Вольский. — Скрывать не стану: имею, но скорее по привычке. А у вас, Василий Василич, есть оружие?

Розанов открыл дверцу шкапа. В напоминающей подставку для каминных принадлежностей конструкции помещались разнокалиберные трости. Василий Василич поводил рукою над ними в нерешительности, выбрал экземпляр с массивным набалдашником, на который ушло не менее фунта кости и металла.

— Знаете, не раз сегодня помянутого Достоевского, Фёдор Михалыча, как-то на Николаевской улице пьянчуга ударил по голове. Ну, наш гений — кремень, а я бы такого сотрясения не пережил. Потому в целях профилактики преступлений против себя, — хихикнул Розанов, — владею скромным арсенальцем.

— И только-то! — фыркнул меньшевик. — А у меня чего допытались! Какой у вас план?

— Мы входим в гостиную. Вы впереди — расталкиваете мистов, буде таковые окажутся на пути, и вызываете Бугаева на дуэль со шпагами.

Вольский поднял бровь.

Розанов потрепал спутника по руке.

— Ваша размолвка окажется чрезвычайно к месту. Мне удалось добыть шпаги и даже не бутафорские. Возьмите футляр — он тяжёлый. Я приму на себя роль секунданта. Идём будто бы условиться о времени и месте барьера, выводим под белы ручки Бориса Николаича, а там... сажаем в пролётку и мчимся в уединённое место, чтобы убедительно объяснить, кто в действительности ему друг, а кто — враг.

— Вам бы, Василь Василич, приключенческие романы строчить. Знаете: Сабатини, Жюль Верн, граф Салиас...

— К беллетристике я не пригоден, — отрапортовал Розанов. — А вот эссеи, очерки, газетчина, заметочки всякие, — это моё. Ну, с Богом!..

* * *

— Где Бугаев? Дайте мне его! — с порога зарычал Вольский, безо всякого труда изображая ярость.

— Бориньку четверть часа как увезли в лечебницу! Нервический срыв. Анна Рудольфовна вызвалась проводить и проверить, как он устроится, — застрочила курсистка. — А врач — такой странный: темнейший брюнет, в очках без...

Не слушая лепет курсистки, Вольский повернулся к Розанову:

— Опоздали!

— Работа у них опасная, у бедных докториков, — вставила курсистка. — Нервические больные — они не все как Боренька, некоторые бывают...

— Что будем делать?

— ...буйные. Такой, наверное...

— Есть у меня кое-какие мысли.

— ...выдавил ему стёкла.

— Здесь слишком шумно, — посетовал Розанов. — Уединимся и обдумаем создавшееся положение. Здесь, к примеру...

Розанов отворил дверь в боковую комнату — дохнуло слитным шумом: шорохом, дыханием, шушуканьем множества людей. Смущённые обитатели творческой коммуны, казалось, водили хоровод вокруг подпиравшей потолок тонкой колонны, сплетённой из палочек и прутьев.

— Вон оттуда и сняли, — произнесла девица и добавила с гордостью: — Наш Боря — акробат!

— А как сняли? — поинтересовался Вольский.

Девица пожала плечами:

— Нас не пустили в залу: вдруг Боря взбесится.

— А это ещё что такое? — Розанов наклонился за стопкой разнокалиберных личточков, стиснутых ажурной металлической прищепкой.

— Анна Рудольфовна выронила, — пискнула вездесущая курсистка.

— Борин почерк, — вставил Вольский, заглянув через плечо спутника на зажим для визиток.

Василий Васильевич пробежал строки глазами:

— «Мир рвался... атомной... бомбой». Любопытно. «Сверх... гекатомбой».

— А эта поправка руки Анны Рудольфовны, — подсказала услужливая курсистка.

— Минцлова — стихи правит?!.. Ничего не понимаю.

— Дайте мне!.. — пропищала девушка, протягивая руку.

Вольский загородил своей широкой спиной Розанова и найденный трофей от неуёмной курсистки.

Со стены выпучился огромной оранжевой радужкой спасательный круг из пробки. Вольский хулигански подмигнул то ли ему, то ли девушке и хмыкнул:

— И зачем ты здесь, морской бублик?

— На случай наводнения, — строго ответила курсистка. — Наверное, из провинции недавно? Знаете, какие в Петербурге наводнения? Ветер надует с залива воду...

— Но пятый этаж!..

— Анна Рудольфовна в некоторых вопросах очень мнительна.

Курсистка поджала губы.

В просвет, образовавшийся после манёвра подпольщика, вернулся обёрнутый в бухарский халат хозяин квартиры.

— Гляньте, люди добрые, — шутивно просюсюкал он, — Боря, сидючи на верхотуре, лепнину исчертил. И ладно бы — стихи: можно хвастаться граффити перед публикой. Ни то ни сё. Декоратор из Бори никудышный. Чай, не Бакст.

Гости задрали головы: на белоснежном потолке очернялся контуром гриб, судя по худосочным бокам — боровик, а то и мухомор, если принять во внимание вуаль под шляпкой.

— Небоскрёб-с! — гаркнул некий господин с чёрными кругами вокруг глаз. Он эксцентрично тряс эспаньолкой, что походило на суетливый *сoup de grâse* поверженному рыцарю. — Не знаем, как разобрать сию этажерку.

— Проще простого! — вырвалось у Вольского.

Начался галдёж:

— Покажите нам! Пособите!

Вольский решительно двинулся к башне, легонько толкнул ножку второго в пирамиде стула. Башня завалилась, распадаясь на этажи. Просеялась хрустальными градинами подбитая люстра. Будто далёкий ледоход грохнуло зеркало, льдинами величиною с ладонь ссыпалось к основанию всё, кроме одного треугольного кусочка, застрявшего в уголке рамы.

Люди онемели и застыли.

Розанов взял под локоть Вольского и направил к дверям.

— Насчёт наводнения не знаю, а вот землетрясение я им устроил!

* * *

Боря вспомнил ужас, испытанный в ту минуту, когда его спускали с «башни» из стульев, и от перенапряжения чувств вновь забегал по камере.

— Что вы носитесь? — брезгливо сказал тюремщик. — Лягте, всхрапните. Да и я подремлю-с.

— Не могу спать при чужих людях! — воскликнул Бугаев, задрав лик к низкому потолку и потрясая кистями рук в отчаянии, выглядящем картинно. В действительности он был вполне искренен.

— Как же я вам чужой-с? — удивился тюремщик. — Я вам теперь прихожусь не менее чем роднёй-с.

Боря странно взглянул на него, искоса, недоверчиво, как будто разглядев что-то, чего раньше не замечал.

— Правда?

— Да-с, — откликнулся тюремщик и прыснул в кулак.

Бугаев присел на краешек лежанки, сложив руки на коленях, как гимназистка, и сказал:

— А знаете, не ожидал. Верите ли: слеза протачивает русло в усохшем слёзном канальце. Будь у вас в кармане лупа, сами имели бы удовольствие рассмотреть... Знал я московского чудака, носившего в жилетном карманце лупу: он рассматривал встречавшиеся орнаменты, исчисляя в них закономерность. Впрочем, я не о том... Повстречать в таком остроге человека с душою нараппашку! Не так много в жизни было у меня доброхотов. Я, верите ли, частенько отворял сердце и неизменно бывал наказан. Вы, однако, мне отчего-то импонируете. Совсем, как в своё время Саша Блок. Дружба с ним закончилась, мы теперь — враги... А его жена, Любовь Дмитриевна... Ангелическое создание! В тот день, когда я впервые увидел её...

Тюремщик махнул рукою и уместился на табурет, приставил плечо к стене и свесил голову, намереваясь подремавать под монотонное бормотанье поэта. Сон не шёл. Пленник говорил с переливами, то и дело меняя тональность, с пришепётывания взбираясь до баса, играя со словами, как жонглёр с расписными деревянными ложками. Хорошо спится под мерный стук колёс, но не в поезде, который с лязгом трогается, тормозит, снова трогается, никак не решается отправиться в путь, сдаёт назад и таким макаром дёргается вдоль перрона. Да ещё этот назойливый топоток, будто копытцами, а не подмётками — не сидится рассказчику на месте, пританцовывает. Сон будто отбило. Тюремщик задумался о своём, перед глазами замелькали: холодная кура, припасённая к ужину, и слоёный пирожок с перетёртой с сахаром малиной для десерта, кiset «криворотовского» табаку, платок, приглянувшийся Глаше, фаршированный желудок, который обязательно поставит на стол её мамаша, шевелюра поэта Блока и ланиты Любви Дмитриевны... Тьфу! Чужие мысли просачивались внутрь головы и требовали равноправия. История текла и обрастала символами, развивалась фабула, выявлялась архитектоника. Тюремщик прислушался, а в какой-то момент и заслушался: вдруг поймал себя на мысли, что знает подробности: Бугаев повторялся, в иных местах — слово в слово, ценя удачные каламбуры и обороты. Когда Бугаев пошёл на третий круг, тюремщик на минуту поверил в наличие родственной связи с пленным. На пятом круге тюремщик почувствовал, что голова его начинена порохом, а фитиль тлеет уже над самым ухом.

— Замолчите-с! — тонко закричал он, шагнул к решётке, чтобы прицельно бросить чем-нибудь тяжёлым в Бугаева, но пошёл юзом, как четырёхколёсный мотор на льду, чуть не врезался в стену, манёвром пьяного гусара избегнув столкновения, сник, извергнул из себя на грубый цементный пол обед и даже часть завтрака, в полувившуюся лужу и плюхнулся.

Бугаев ухватил тюремщика за шиворот и подтянул к решётке. Тело поплыло как плоскодонная баржа по обмелевшей реке: мнимо податливо, то и дело задевая что-то. Бурлак в мгновение ока обернулся пиратом, мародёрство на бесчувственном теле вскоре дало ему повод к торжеству: ключ.

* * *

— Эк вы, голубчик, вавилонское столпотворение повторили! С испугу они речь человеческую позабыли, — торопился выговорить между приступами хихиканья Василий Васильевич.

— Да уж, презабавно вышло. Почти как в старые добрые времена. Грохот, пыль!.. Дыма и огня не хватает для... Мой приятель Савинков точно одобрил бы.

— Погодите, устроится случай и для настоящей бомбочки! — прыскал Розанов. — «Антимузу» отправить в атмосферу на кринолинах барражировать вместо парашюта!

— Тут она, машинка, в кармане! — весело отвечал Вольский.

Философ и бывший террорист шли по улочке, обдумывая дальнейшие действия.

— Надо же!.. Подумать не мог, что вызовусь за писателем стоять! — посмеивался Вольский.

Василий Васильевич тихонько напевал, отстукивая такт по головке трости костяшками пальцев:

— «Фонарики-сударики горят себе, горят; что видели, что слышали — о том не говорят».

— Каков у вас план?

— ...о том не говорят.

— Бросьте свои шутки, Василий Васильевич!

— Фонарики-сударики... Так-с.

— Заинтриговали какой-то новой тайной, а остального говорить — не нужно?

Розанов резко остановился и обернулся к спутнику.

— У меня новая теория. Вернее будет сказать, уточнение и развитие прежней.

— Расскажите.

— Не всякое литературное произведение антимузы хотят уничтожить.

— Вот как?

— Эти негодяйки не против великой русской литературы сражаются. У них — цель, а литература — лишь средство.

— С чего вы взяли?

— А вот из поправочки Минцловой и взял. Зачем бы ей, ранее убеждавшей Борю бросить стихосложение, править его стихи? А вот зачем: углядела полезное для своих замыслов зерно.

Вольский замялся:

— Ваше построение очень... шатко.

— Знаю, мой друг, — Василий Васильевич вздохнул и устремил взоры вдаль. — Как вы думаете, чем занимается теология?

— Как истовый марксист не могу и не желаю того знать.

— Она пытается изучить что-то удивительно сложное, высшее нас, неизвестное нам. Я к этой науке питаю интерес. Представляете, занятия ею придадут мысли своеобразную смелость. Прибавьте к этому тот факт, что сектанты — всякие: иезуиты, мартинисты, палладиисты, — просты, как потёртый римский сестерций.

— Может быть, в полицию обратиться?

— Если мы сами поутру себе вчерашним не поверим, поверят ли нам в полиции? Да и кто мы, каков наш удельный вес в обществе? Вы — недавний подпольщик, с бомбою в кармане и шпагами наперевес, под надзором; я — скандальный анархический журналист преклонных лет, у которого намерен тираж за «порнографию» арестовали. Кому из нас двоих веры больше? То-то и оно.

Вольский растянул пасть в долгом зевке, усы его стали торчком.

— В таком случае давайте продолжим разыскания завтра, — сказал, борясь с зевотой. — Пора бы нам и перекусить... А там и ко сну готовиться.

Розанов промолвил:

— Нельзя, дорогой мой. Никак нельзя.

— Почему? — озабоченно спросил меньшевик. — Думаете, за ночь с Борисом Николаевичем беда приключится?

— Может, приключится, а может — нет. Но я точно знаю: вам по утречку всё, чему сейчас поверили, покажется бредом. Отмахнётесь от меня, старика, и по своим делам упорхнёте. У вас — партия, рутина.

Вольский снова встопорщил тараканьи усы, теперь уже в гримасе возмущения:

— Да как вы можете ожидать такого от меня?..

— В подробностях изучил человеческую природу, — меланхолично ответил Розанов. — Я не в упрёк вам... Просто давайте разыщем следующую улику до того, как свалимся без задних ног.

— Как нам это проверить?

— Узнаем, что в визитнице Минцловой, — решил Василий Васильевич.

— Думаете, «колода» хранит там карточку с адресом своей конспиративной квартиры? — усмехаясь, произнёс Вольский.

— Вы же недавний террорист, нелегал, — сощурился Розанов. — Уход от шпиков, маскировка, переодёванья, явки, пароли, две герани в окне или три, вот это вот всё — ваш быт. Коля, куда испарилась ваша сметка? Верхняя в пачке визитная карточка — последнее посещённое место или последний собеседник!

— Шанс есть, — согласился Вольский. И тут же прибавил: — Крошечный.

Карточка была новенькой, незатёртой, хрупкие уголки не успели замяться от пребывания в женской сумочке. Чёткими буквами по верху протягивалась надпись: «Никола Водник и сыновья». На полноцветной миньятюре

бледный господин, выпадая из прогулочного ялика, вяло цеплялся за болтающийся на леере спасательный круг. Усы бледного господина создавали впечатление цельной твёрдости, и, казалось, надобность в чудесной пробке отпадёт, если терпящий бедствие вопьётся их лекальным изгибом в планшир. Невозмутимая дама, привстав со скамеечки, протягивала пропадающему другу зонтик. Сюрреализму картинке добавляло наличие у дамы второго зонтика, такого же невесомого и кружевного, которым она защищалась от налетевшего шквала.

— Украшает Минцлова комнаты на свой вкус. — Вольский поймал удивлённый взор Василия Васильевича и добавил: — Не обратили внимания? В той квартирке спасательный круг на обоях висел.

— Это становится интригующим, — промолвил Розанов.

Не теряя времени, они взяли пролётку и помчались туда, куда приглашала покупателей строчка на оборотной стороне карточки. В лавочной витрине их взорам предстало изображение инцидента на водах в натуральном размере.

В просторном помещении разливался сладковатый травяной дух.

Навстречу из-за прилавка встал человек, чуть более самоуверенный, чем наёмный приказчик, — очевидно, сам Водник.

— Чем могу-с?..

— Уважаемый, будьте так добры... — Василий Васильевич закашлялся. — Для Анны Рудольфовны... Минцловой!.. — шепнул он. — То же самое и по тому же адресу. Срочно!

Не двигаясь с места и прикусывая пенковую трубочку на каждом слове, хозяин уточнил:

— Опять на размер больше? Так скоро?

Василий Васильевич не понял, шутка прозвучала или отзвук суровой жизненной правды, и на всякий случай улыбнулся, но с нажимом повторил:

— Всё точно как в прошлом заказе.

— Как назло подготовил очередной номер.

— Впрочем, давайте.

— Нужно проверить ход питающего клапана, уплотнители обжать, резьбу потуже затянуть. Может быть, назавтра за заказом придёте-с?

— А если ночью — наводнение? — вырвалось у Вольского. — А у Анны Рудольфовны нет запасного комплекта!

Водник перевёл на него ленивый взгляд:

— Во-первых, как это нет? Я же собственноручно... Во-вторых, вы нездешний?

— Какое это имеет значение? — рассердился меньшевик.

Хозяин пожал плечами.

— Идите к своим клапанам, мы подождём, — бросил со злостью Вольский.

— Секундочку.

Карманные часы Василия Васильевича насчитали их шестьсот или около того, прежде чем лавочник вынес из подсобки объёмную кардонку. На локте у Водника болтался увесистый баллончик в сетчатой оплётке, к которой была приспособлена португепя великанского обхвата. Тонкая трубочка извивалась от патрубка на маковке баллона в недра кардонки.

— Вся система наполняется сжатым воздухом за десять секунд, — с гордостью поведал Никола Водник. — Великолепное изделие. Первосортный каучук-с. Бразильянский, из самого Манауса. Баллон — кованный алюминий. Извольте-с: сорок пять рублей двадцать две копейки-с.

Розанов крякнул, но — делать нечего — заплатил.

— Со своим носильщиком? — спросил Водник, нагло вылупившись на потёртый пиджак Вольского, на шпажный футляр в больших руках.

Меньшевик издал неясный угрожающий звук, и лавочник твякнул кротко что-то извинительное и, рассыпав обворожающие улыбки, скрылся за занавеской.

Носильщик — по всей видимости, один из «сыновей», — рысью доставил груз к одному в шеренге

доходных домов на набережной. Остановился перед неприметной дверкой.

Василий Васильевич вложил двугривенный в ладонь младшего Водника:

— На!.. Дуй отсюда.

Уверенно застучал.

— Коля, предоставляю действовать вам, — прошептал на ухо.

Бывший подпольщик зверски ослабился и утяжелил руку свинчаткой. Скрючился у стены.

Из-за двери донёлся хриплый голос:

— Чего надо?

— Поплавки на замену, — визгливо крикнул Розанов. — У давешнего комплекта — клапана сифонят. Водник новый прислал.

Внутри загремели ключами.

Рельефный кулак бывшего подпольщика ухнул в воздухе. Привратник завалился в комнату.

— Коля! — вырвалось у Розанова. — Убивать-то зачем!

— Я костяшками, мягонько, — ухмыльнулся Вольский. — Очухается.

Плечом вперёд меньшевик нырнул в дверной проём, застыл за порогом в боксёрской стойке, оглядывая помещение. Ящеркой Розанов проскользнул следом, сгрузил вынужденную покупку на пол и притворил дверь. Углядел на подоконнике кипу старых газет и прикрыл бесчувственное тело номером «Торгово-промышленной».

— Надо же, и тут — клеймят! — пробормотал, мельком взглянув на бумажный разворот.

Между шкафом и стеной обнаружился зазор, а в нём — дверь, за которой ступеньки вводили вниз.

* * *

На лежанке по другую сторону решётки сидел потурецки человек. Лицо его было скрыто забралом из чёрного бархата. Руки покоились на коленях ладонями

вверх и на каждой большой палец смыкался в кольцо с указательным.

— Нашли! Спасли! — причитал растроганный Василий Васильевич.

Узник не реагировал, и Вольский трубно заревел:

— Боря!

— Я не Боря Бугаев! — вздрогнув, промолвил человек в маске. В приглушённом кирпичными сводами голосе сквозила такая уверенность, такая непреклонность, что неоднократно выдавший молодого поэта Розанов засомневался.

— Боря! Брось свои глупости! — рявкнул Вольский.

— Коля, ты мне надоел смертельно! — простонал поэт, сорвав маску и спрыгнув на пол. — Испортил такую медитацию!

Вольский рванулся, желая схватить Бугаева через решётку. Поэт сделал, будто в менюэте, шаг к дальней стенке, и пятерня разминулась с лацканом на долю секунды.

Затрясшись от ярости, меньшевик отвернулся и — что угодно, лишь бы не видеть бывшего друга, — склонился над тюремщиком.

Василий Васильевич поинтересовался:

— Личарда — жив?

— Что ему будет, — махнул рукой Вольский.

— Не говорите так! — с мнимой строгостью одёрнул Розанов. — Боря порой бывает убийственен! В чувство бы привести, заодно допросить.

Вольский быстро придумал, как отделаться от неприятной возни:

— Нашатыря нет под рукой.

Розанов повернулся к Бугаеву, изрёк утвердительно:

— На вас покушалась Минцлова.

— Здесь я в абсолютной безопасности. Ключ от решётки — у меня!

Бугаев, казалось, дразнился.

— А если Минцлова владеет запасным?

Боря приобрёл вид озадаченный. Колебался с минуту, потом махнул:

— Я рискну.

— Чем вы будете питаться?

— Давно хотел провести опыт: сколько сумею выдержать без пищи.

— А пить что?

Боря оглянулся на покрытую пятнами сырости стену и беззаботно махнул рукой:

— Придумаю!

— Боря, что вы с нами творите! — взмолился Розанов

Поэт промолчал.

Василий Васильевич увещевал:

— Послушайте, Боря!.. Мы с Николаем Владиславовичем обнаружили заговор. Враждебные силы убивают русскую литературу! Минцлова заперла вас, чтобы...

— Мне лучше вас известно, зачем Анна Рудольфовна поймала меня сюда, но об этом в обществе говорить не принято.

— Я ему про Варфоломея, а он мне про Варсонофия!.. Антимузы отбивают охоту творить стихи и прозу, подло, исподтишка, из-за пазухи шипливо обругивая написанное. Внемлите гласу разума, Боря!

Бугаев фыркнул.

Розанов топнул маленькой ногой и прикрикнул:

— Не вынуждайте меня прибегать к мерам!.. Я стану щекотать вас сквозь решётку кончиком шпаги!

— Заговор «антимуз»? Я верю единственно в заговор восточных оккультистов!.. — с пафосом сказал Бугаев. — Чутьё полная эти ваши «антимузы». Минцлова — эротоманка, и опасаться её стоит только в этом качестве!

— Ага. Всё понятно, — Розанов покачал головой. — Вы правы, Борис Николаевич. Счастливо вам оставаться. Пойдёмте, Коля... — он задумался на секунду и вскинул лицо с простодушной улыбкой: — Одного не пойму... Растолкуйте, Боря, как Минцлова и её личарды сняли вас с вершины башни?

Выражение превосходства стояло с лица поэта. Бугаев схватился за голову.

— Зачем вы напомнили? Я погружал себя в транс для изгнания из памяти того ужаса!..

Боря отрывисто застонал, однако тотчас же приободрился и, как ни в чём не бывало, сказал:

— Убедили!

Он поднялся с кушетки и, отворив дверь, покинул узилище.

— Боря, вы находились в открытой камере? — поразился Розанов. — Вы... обманывали нас?

— Раздобыв ключ, отпер, поддавшись внезапному порыву, — сказал Бугаев. — Но вам же не пришло на ум проверить калитку? Пока все считали меня запертым, я был всё равно, что заперт.

Вольский скрежетнул зубами и, развернувшись, бросился к лестнице.

Розанов пропустил Борю и, оглянувшись в последний раз, мимоходом отметил выведенный на стене камеры кирпичным осколком контур гриба.

Хлопок двери вывел из обморока личарду. Поверженный и лишённый символа своей местечковой власти — ключа, он промычал что-то и попытался сесть, разгоняя по цементу зловонные волны.

* * *

За уголок Анна Рудольфовна выдернула из кармашка платочек и пустила трепыхаться по ветру: надувало в море. Вслед за платочком был извлечён карманный барометр, сработанный сумрачным германским гением. Как и час назад ненавистное хлябкое «Regen» оставалось без внимания стрелки. Металлический волос указывал на число «787» из безоблачной секции «Schön». Число хорошее, как ни посмотри, в том числе и с позиции нумерологии: так читай, а хочешь этак, всё едино. Погоды обещали быть хорошими.

На всякий пожарный теософка заглянула, боязливо и с отвращением, остерегаясь касаться даже перил, в Неву: на гранитном ребре футшточной колонны, врезанной в облицовку набережной, показались из воды несколько рисочек ниже ординара. Воды протекали флегматичные, незамутнённые примесями, а значит, верховья реки не взбаламучены дождём.

Эфирным маслом из заветного пузырёчка Минцлова окропила многофункциональный платок и втянула обеими ноздрями. Подняв портфель, распухший от изъятых сегодня рукописей, направилась к конспиративной квартире.

Как странно! Дверь не заперта. Внутри — никого. На видном месте коробка со спасательной амуницией. Дурак Водник прислал ещё один комплект? Отпустил в кредит? На него не похоже. Или это на примерку?

Вдруг из-за шкафа появились трое, и между двух смутно знакомых лиц — Бугаев.

Минцлова застыла, но скоро опомнилась и драматически воскликнула:

— Боря, как вы могли!

— Ну вот, я же говорил!.. «Эротоманка», — раздражённо воскликнул Боря, оборачиваясь на спутников.

— Это поза, не более чем поза, — зашептал Розанов. — Будьте покойны, сейчас выкинет фортель. — Он сказал громко: — Анна Рудольфовна, потрудитесь объяснить свои поступки!

— Вы прервали... Хоть знаете, чему помешали? Из-за вас Боринька провалил духовное упражнение: тринадцать дней одиночества и молчания. Ну, скажите, Боря, скажите им!

Лорнетка мерцала, вращаемая в пухлой руке.

— Полноте, Анна Рудольфовна, — замямлил Бугаев, — вы спутали: то упражнение я выполнял на даче и справился блестяще, смею надеяться. Может, кто-то иной из ваших духовных протеже...

— Боря, не позволяйте себя втягивать в спор, — шёпотом предостерёг Розанов.

— Боринька, вы же провалились, — выдохнула Минцлова, — к вам приехал приятель и... Загуляли на брудершафт. Тайное знание — побоку! Теософия — побоку! На лошади скакали по буеракам, в седле записывая «симфонии». Потом каялись и сами упрашивали помочь вам справиться с мирскими искусствами. Дали мне карт-бланш. Для вас я обустроила тайный подвальный монастырь. Боря, да имейте же мужество признаться!.. — сорвалась она на визгливый крик.

Лорнетка перепархивала, отдыхала то на локотке, то на запястье, скакала оттуда на нос и зависала в пространстве, где шустрила крылышками. Мнилось, траектории лорнетки затвердевают невидимым веществом. В воздухе разливались электрические токи.

— Попрошу вас, господа, уйти и более не вмешиваться в наши с Борей занятия, — строго присовокупила Минцлова и ещё раз нервно оглянулась на новенькую кардонку с надписью «Никола Водник и сыновья».

— Сие невозможно, так как я несу ответственность за Бору, — кротко произнёс Розанов.

Минцлова подкрепила себя вдохом эфира из глубин платка, и снова белый платочек затрепыхался на излёте руки.

— Какой вы школы? — высокомерно спросила.

Василий Васильевич затруднился с ответом.

— Нижегородской, — вымолвил с деланным простодушием, вспомнив об оконченной тридцать с лишним лет назад гимназии.

— Я прошла дорнахскую, нюрнбергскую и лондонскую. О вашей не слыхала. Всё равно, — продолжала Анна Рудольфовна. — Я наблюдаю на вашем лице отсвет оккультного мироощущения. Вы — наш, мы — ваши... Практикуете?..

— Разве что молитвы да исихазм, — промолвил лукавый Василий Васильевич.

Минцлова смахнула бородавки пота, высыпавшие на выпуклом лбу.

— Я готова побеседовать с вами тет-а-тет, — вещала она. И хотя обращалась к Розанову, косила глаза на кардонку. — Готова даже к диспуту о методах духовных исканий. Но это — в обозримом будущем. Сейчас мне требуется остаться наедине с подопечным.

— Боря достаточно взрослый, чтобы управиться со своей жизнью без вашей опеки, — мягко возразил Розанов, пристально наблюдая за тем, как теософка очередной раз промокает кожу.

Неустанно дирижируя лорнеткой, Минцлова зацокотала о чём-то своём, теософском, но умолкла на полуслове и с ненавистью и подозрением уставилась на сжимавшего футляр Розанова.

— Что это у вас?

— Так, ничего. Шпаги, — скромно ответил Василий Васильевич и сделал движение, будто хотел спрятать футляр за спину.

Минцлова взбеленилась:

— Бросьте проклятые острия!.. Ну!

— Зачем же. Я их из футлярчика выну, — с улыбочкой, тряся бородкой от рвущегося наружу хихиканья, отвечал Розанов. — Николай Владиславович, возьмите, примерьте к руке. А чего это вы, Анна Рудольфовна, так переволновались?

Теософка набычилась на троицу ядром лба. Жилы у ней на висках набухли кровью. По лицу и шее струился водопад. Сбившийся с затылка на сторону, разболтавшийся клубок волос казался готовым ударить носорожьим рогом. Минцлова ворочала в орбитах глазами шарами, страшно и смешно.

За спинами троицы скрипнула дверь с лестницы, показался тюремщик.

— Я уйду и более не вмешаюсь... — бормотал он.

Сомнамбулой миновал личарда комнату и вышел за дверь. Мужчины проводили его удивлёнными взорами. Минцлова — запаниковала.

Зашуршали на полу газеты. Издав хриплый и оттого представлявшийся неестественным взвизг, теософка отпрыгнула от неуклюже встающего сторожа. Болтая головой и роняя ниточку слюны, тот безмолвно проследовал за первым личардой.

Брызгая слюной, Минцлова возопила:

— Я вашу мушиную троицу на одну ладонь посажу, а другой прихлопну!

Розанов брезгливо поморщил носик.

— Анна Рудольфовна, — серьёзно произнёс Бугаев, — эта антиэстетическая угроза вынуждает меня забыть о всяком к вам почтении.

Поэт сделал шаг к теософке, сам ещё не осознавая своих намерений.

У Минцловой задрожали губы — подступала истерика. Она крикнула хотя и слезливо, но всё равно угрожающе:

— Те, кто за мной, вас сотрут!.. — и, подхватив портфель, выбежала на улицу.

С лязгом и грохотом подлетело ландо: стоя на облучке, потрясал вожжами малый в котелке.

— Это он! — закричал, сморщив лицо, Бугаев. — Оправа без стёкол.

Вольский невольно схватился за карман, где «бульдог» ждал именно такого отчаянного призыва к действию.

Минцлова протопала с тротуара и рухнула поперёк кузова, между сиденьями, заставив его закачаться на рессорах. Возница гикнул. Ландо умчалось.

* * *

— Минцлову нельзя отпускать! Покуда она не обезврежена, русская словесность в опасности! Куда она могла отправиться? Боря, — теребил рукав поэта Розанов, — подайте нам идею!

— В Москву.

— Почему?

— Она всегда отдыхала там от столичной суеты, — слабым голосом ответил Бугаев.

— Значит, и нам — на вокзал, — устало обронил Розанов.

— После давешнего столкновения «колоде» отдых понадобится, — вставил Вольский.

— Круги... Надо взять круги! — вспомнил Василий Васильевич.

— Зачем же?

— Разумеется вернуть Воднику и потребовать назад деньги! — сказал Розанов.

Вольский осклабился:

— Что-то мне подсказывает... Водник живёт за счёт заказов Минцловой. Разорить хотите?

Впрочем, расхотеть на это время не было никакой возможности. Собрались на вокзал. Бугаева усадили в пролётку посередине.

Ехали по Лиговке, когда философ нарушил молчание:

— Я внутри сознания постоянно слушаю райские напевы.

— И что, не мешает? — с живостью спросил Вольский.

— Напротив! Мысли как кристаллические иголки. Умственная свежесть, хоть бы и полночь. Голова почти никогда не бывает больной. Да я же писал где-то в «Листе» про себя! А как вам наблюдение: когда Минцлова витийствовала, моя музыка сфер усилилась, заглушая пагубные речи.

— Потрясающе!

Василий Васильевич поспешил умалить себя, не услышав скепсиса в реплике меньшевика и приняв её за подлинный римский сестерций:

— Есть таланты много более удивительные. К примеру, «слёзный дар», описанный Достоевским.

— Это когда без слёз не взглянешь? — невозмутимо поинтересовался Бугаев.

— По сути точно, а по тону — издевательство.

Розанов поджал губы.

Прервав затягивающееся молчание, Вольский спросил:

— Откуда оно у вас?

— От Бога, Коленька, — смиренно ответил Розанов.

Вольский начал:

— Я как материалист...

Не дожидаясь атеистического извода, Розанов поспешил сказать:

— У меня — ангельские хоралы, Николай Владиславович — материалист и потому для атак Минцловой непробиваем, а вы, Боринька, как выстояли?

— Я тоже в некотором роде обладаю даром убеждения, — гыгыкнул Боря.

— Заговаривания, — поправил Вольский. — Своеобразный гипноз.

— Господа, это совсем не сложно. Я лишь повествую о своей жизни, а слушателям становится плохо. Видали тюремщика, сникшего от моих рассказов? — напомнил Бугаев.

— Эх нам повезло, что встретились такие, не обделённые талантами, — подвёл итог Розанов.

Мелькали экипажи, вокзал ждал впереди.

— Вам не кажется, что с окружающим нас миром что-то недоброе происходит? — прищурился Василий Васильевич. Вольский помотал головой. — Посмотрите внимательно по сторонам.

Вдоль стен крались какие-то захожие косматые чухонцы с несообразными узлами. Чудилось: из домовых прямков вытарасили глазки-бусинки страшные подвальные водоплавающие крысы, целят зубами в жилку на шее. В пространство изливался отталкивающего оттенка воздух, будто по забитому пылью воздуховоду из комнаты, в которой взбесилась спиритическая доска.

— Мир как будто обезумливается, — горячо зашептал Розанов. — Культисты, бродяги, попрошай — всякая ракла повылазила на свет Божий.

— А по мне так всё как всегда, — сказал Боря, чистя ногти.

— Минцлова чинит препятствия.

— Эвон как забегали, тараканы! — кивнул Вольский на городского. — В молодости бывало: на тройке подлетишь к городовому, сгрузишь ему на плечи упакованный в бумагу огромный шар — тыкву приволжскую. Лошадей хлестнёшь и с криком истошным: «Бомба!» улепетываешь. Смеху-то!

Где-то за торцами домов прогремел взрыв и сразу же — ещё один.

Бугаев, ни к кому не обращаясь, прокомментировал:

— Бомба — лавинное деление тяжёлых ядер. Хм, надобно записать в книжечку...

Ход замедлился, коляска стала, как и вся улица. Пролётки замерли впритык, кое-где восхотевшим выбраться пассажирам пришлось бы перебираться с коляски на коляску.

Служивые безуспешно пытались навести порядок.

— Коля, помянули в дурной час, — Василий Васильевич мелко перекрестился. — Ваши шалят?

Вольский нервно засмеялся:

— Шутите!

— Конечно, шучу! Личарды Минцловой прикрывают её отступление.

— А вы не чересчур ли демонизируете теософскую тётку?

Уличный мальчишка принёс весть:

— Взрывчатую коробочку на мостовую кинули!

— Без жертв?

— Обошлось!..

— Слава Богу!

Ветер выдул со стороны вокзала облако тетрадных обрывков. Оно надвигалось неумолимо, как альбиносная стая огромной, перезревшей саранчи. И вот листики, как живые, тревожно затрепетали кругом. Целое

мгновение лебединая песня растворяющихся в городе клочков исписанной бумаги затмевала все иные звуки.

Розанов взял прилетевший ему на колени обрывок.

— Рукописи! Целый короб с шедеврами развеяла. Эх, никогда не узнаем... — Василий Васильевич ловил листики и жадно вчитывался. — «Такой горб, будто постоянно таскал на спине детский гроб». Страсти какие! «С мукой неутолимого голода запустил обе руки в шёлковый кошель, в самый пар, сжал пышные каравай». Неуёмный импрессионизм порой рождает двусмысленности. «Хоть молочным поросёй ему по мордасям стегай. Как с гуся вода». Крестьянская проза, верно. А вот ещё, декаданс: «Это — я... Я гублю без возврата...»

— Эге! Последняя фраза — из моего черновика к «Лакированной карете»! — беззаботно сказал Боря. — Всё равно хотел начать сызнава. Оставьте, пусть летит.

Розанов нерешительно отпустил листок.

Мужичок в рубище трусил через лабиринт остановившихся пролёток. Испытывая терпение возниц, нырял под лошадиными животами там, где нельзя было протиснуться. Оглашал окрестности криком:

— Кайся, честной народ! Последние дни близятся! Но есть спасение! Тщанием великого самовидца грибным соком по бересте писано: «Лютик кожаный!» Цветник поучений, праздник сердца и зеркало души. Для детей Божьих средство быть счастливым, щит веры и меч духовный. Возымеет сын церковный книжицу — спасётся. Будет одна книжица на семью — спасётся вся сота общества. Ежели окажется в дому книжица — целиком дом спасётся.

Приманив кликушу пальцем, купец басовито спросил с высоты дрожек:

— Что же, и доходный домища на тысячу душ жильцов спасётся?

Сектант застыл, отдавшись неведомым подсчётам. Наконец, выдал: